

ГЛАВА 8.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЛУКИАНОВСКОЙ» РЕЦЕНЗИИ LXX В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯНСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

В главе 4-й мы рассмотрели научную гипотезу о. Б. Чифлянова о том, что свв. братьями были переведены богослужebные книги византийского асматического типа — апракосные тексты Евангелия и Апостола — и Паримийник, как необходимая часть богослужebных книг этого чина*. Если это так, то вполне определенно можно сказать, что прототипом славянского богослужebного сборника ветхозаветных чтений мог быть только греческий Профитологий (историческая связь между ними несомненна — см. ЖК, 15 гл. и ЖМ, 8 гл.), который, в свою очередь, является древнейшим свидетелем текста LXX и может существенно помочь в деле восстановления первоначального библейского текста, вышедшего «из-под пера» александрийцев в

* *Камчатнов А. М.* История и герменевтика славянской Библии. М., 1998. С. 61.

III в. до Р. Х.* В деле реконструкции надежды были взлелеяны геттингенским ученым П. де Лагардом († 1891); последний, пытаясь разобраться в разнообразии ветхозаветных чтений греческих источников, для большей основательности стал на позицию новозаветных текстологов XVIII в. — И. Землера и И. Грисбаха, которые использовали в своих трудах свидетельство бл. Иеронима о якобы существовавших в IV в. трех редакциях (рецензиях) Септуагинты: Оригена (Палестина), Исихия (Египет) и Лукиана (Антиохия и Константинополь). Поль де Лагард развил взгляды вышеупомянутых ученых и довел их до кондиции: по его мнению, три названные редакции были вполне официально приняты в соответствующих восточных патриархатах и находились под наблюдением, т. е. были стабильны**. На основании этих выводов, через реконструкцию трех упомянутых редакций, ученый и предполагал восстановить первоначальный текст LXX (который он назвал Urtext'ом).

Надежды свои Лагард возлагал, в первую очередь, на богослужебные списки славянских библейских текстов, что обострило в конце XIX — начале XX в. интерес к ним как со стороны западного ученого мира, так и со стороны академической среды Русской Православной Церкви. «Как только западная наука приняла на себя труд научного издания греческого библейского текста Ветхого и Нового Завета, так немедленно взоры ученых издателей обратились... к славянскому переводу Библии. «Что может дать для истории и установления подлинного вида греческого текста Библии древний славянский перевод этого текста?» — ставили для себя вопрос западные ученые-библии-

(*) *Евсеев И. Е.* Рукописное предание Славянской Библии. С. 10–12.

(**) *Алексеев А. А.* О греческой основе славянских библейских переводов. С. 12.

сты» и профессор Петербургской Духовной академии И. Е. Евсеев, проявивший также живой интерес к этой проблеме. Как было сказано, в среде протестантского ученого мира особенно энергичное стремление к изучению древнеславянского перевода Библии проявил упомянутый выше профессор Поль де Лагард, наметивший а priori важное историческое место для славянского перевода среди других свидетелей греческого библейского текста*. Научная обработка славянского библейского текста в русской академической литературе XIX–XX вв. неразрывно связана с этим именем. Его методические идеи относительно изучения греческого библейского текста — и в связи с ним славянского — были положены во главу угла при подготовке в университете г. Геттингена капитального научного издания греческого текста LXX. В Геттингенском издании греческой Библии предполагалось произвести реконструкцию текста LXX на самых широких началах: к обработке привлечены были все возможные источники, материалы и многочисленные научные силы, а славянскому библейскому переводу, по мнению исследователей, предстояло занять в нем место одного из важных свидетелей исторической жизни текста LXX**. Об этом грандиозном проекте на годичном акте в С.-Петербургской Духовной академии 17 февраля 1911 года и сделал доклад проф. И. Е. Евсеев. Возвышенность его речи приличествовала торжественной обстановке актового зала. К тому же, он и сам горел энтузиазмом, который возник у него с «новообретенным» знанием богослужебных текстов славянского перевода Св. Писания — «самых многочисленных и самых древних», по его замечанию. Для уяснения всей остроты возникшей проблемы представим слово самому проф. И. Е. Евсееву.

(*) *Евсеев И. Е.* Рукописное предание Славянской Библии. С. 8.

(**) Там же. С. 7–10.

«Богослужбная группа списков самая многочисленная и самая древняя по происхождению. Появилась она на заре славянского просвещения для надобностей богослужбных в виде избора библейских чтений, наряду с богослужбным Евангелием и Апостолом. Теперь уже не высказывается сомнения, что этот богослужбный избор был переведен с соответствующего греческого оригинала IX в. св. первоучителем Кириллом в Моравии или для надобностей моравской миссии. Точный объем этого избора установить еще не удалось, потому что наиболее гибкие, неустойчивые части богослужения (минейные) еще не поддаются точному учету, но большая часть избора (около 9/10 объема) устанавливается совершенно определенно, как полное соответствие греческому оригиналу. Этот избор в наиболее чистом виде сохранился для Ветхого Завета в Паримийнике — книге паримий, известной с XII в., в количестве 67 списков. С XII в. паримии из этой книги стали вноситься у южных славян, вслед за греческими оригиналами, в Триоди. В русских Триодях паримии появляются только с XIV в., со времени приспособления их к иерусалимскому чину. С этого же времени, а еще более с XV века, паримии перешли в богослужбные месячные Миней, Миней общие, Праздничные, Трефолои, Анфологии и др. подобные сборники. Отдельно от этого богослужбного избора стоит только одна книга Ветхого Завета — Псалтирь. Она вся целиком входила в состав богослужения, поэтому переведена была самостоятельно, наряду с богослужбными Евангелием и Апостолом. Только одна Псалтирь сохранилась в памятнике до диалектического расслоения церковнославянского языка (Синайская Псалтирь X–XI вв.). Все же списки богослужбного избора относятся уже к более поздней эпохе, начиная с конца XII и до XVII века. Впрочем, сохранившиеся многочисленные списки этого первоначального перевода дают возможность проверить все главнейшие этапы истории этого текста — у болгар, сербов, рус-

ских и даже у хорватов, поэтому для восстановления этого вида текста — этого труда св. первоучителя Кирилла — наука располагает достаточным количеством материала. Попытки такого восстановления, и небезуспешные, уже начинаются.

С точки зрения языковой и историко-литературной такие попытки имеют важное значение. Первоначальный перевод, труд св. Кирилла, лег в основу древнего церковнославянского языка, поэтому основа эта должна быть уяснена с особенной точностью, и славянская филология, к ее чести, останавливается на изучении первоначального библейского перевода с особым вниманием. Но не менее важное значение имеет этот богослужебный библейский текст и для специально-библейского изучения.

Уяснение библейского значения этой (богослужебной. — *Р. Ц.*), равно как и другой четвѣй группы славянских списков, стоит в связи с крупным самостоятельным вопросом о научном значении оригинала наших славянских переводов — греческого текста LXX... Этот свидетель (LXX — *Р. Ц.*), по условиям своего происхождения и исторической сохранности, представляет больше доказательств своей близости к настоящему ветхозаветному оригиналу, чем единственно доступный нам на языке оригинала текст масоретский. Особенное значение греческому тексту LXX придает историческая определенность его происхождения и доступность для проверки его источников, рукописей. Все-таки наука далеко не располагает возможностью указать среди известных ей греческих списков настоящий вид LXX. Все сохранившиеся греческие списки представляют свои особенности, и восстановить на основании их чистый вид LXX составляет главную задачу науки в настоящий момент. Выработке точного метода для такого восстановления посвящены были труды де Лагарда, осуществлением этого метода занята в настоящее время комиссия LXX при Геттингенском королевском обществе наук. Метод восстановления текста LXX состоит в том, что, не зада-

ваясь немедленной целью дать непосредственно тот вид текста, какой вышел из-под пера александрийцев III в. до Р. Х., оставляя, покамест, в стороне недоступные в настоящее время для надлежащего уяснения древние списки текста LXX, наука ставит для себя в данный момент более скромную задачу — восстановить по некоторым условиям единственно доступную для нее форму текста LXX IV в. по Р. Х., чтобы в нем поставить для себя опору для дальнейших работ в восстановлении первоначального текста LXX. Эта доступная науке форма LXX выражается в исторически засвидетельствованных для IV в. рецензиях текста LXX — Оригена, Исихия и Лукиана.

Из этих рецензий последняя, лукиановская, имеет чрезвычайно важное значение для нашего начального славянского перевода, т. к. она с IV в. была в употреблении в Антиохийском и Константинопольском патриархатах: по зависимости нашего начального библейского перевода от Константинополя IX в., *как теперь доказано* (курсив наш. — Р. Ц.), она вполне отразилась, как оригинал, в этом нашем переводе. Это последнее обстоятельство ставит наш начальный богослужебно-библейский перевод в исключительно высокое положение в деле установления подлинного вида и уяснения распространенности лукиановского чтения в IX в.

Дело в следующем. Для надлежащего научного восстановления лукиановского извода IV в. наука, покамест, не располагает неопровержимо точными источниками. Проба реконструкции текста Лукиана, произведенная де Лагардом (*Librorum V. T. Canoniorum. Pars prior. Gottingae, 1883*), в настоящее время вызывает серьезные исправления со стороны своего материала. Чтения отцов-антиохийцев IV в., которых де Лагард ставил во главу угла своей конструкции, оказываются недостаточно устойчивы, чтобы быть мерилom типа церковного чтения IV в. Случайные рукописи антиохийско-константинопольского происхож-

дения, подкреплявшие у де Лагарда тип отеческих чтений, не могут претендовать на большую авторитетность, чем это может быть предоставлено случайным свидетелям неизвестного происхождения. И вот в настоящее время мы видим у специальных исследователей извода Лукиана усиленное стремление найти свидетелей Лукиана в более прочной церковно-богослужебной обстановке. Один из новейших исследователей, Дазе, опирается уже в своих суждениях о лукиановском типе рукописей на показания древних Триодей. Но, взятые наудачу богослужебные Триоди и другие греческие тексты, не всегда могут приводить к желательным результатам. Элемент случайности имеет и здесь большое значение: отдельные рукописи богослужебного типа, взятые вне связи с целым типом, могут уклоняться от традиционного чтения в сторону случайного влияния. Тот же Дазе указывает греческую Триодь 1599 г. с чертами и лукиановскими и экзаплярными вместе.

Необходимо привлечь богослужебный тип библейских чтений в его собственном, законченном и признанном виде. Здесь открывается место для важной роли в богослужебном типе библейских чтений славянского перевода этого типа. Греческие чтения церковного лукиановского текста появились раньше славянского перевода, но греческих рукописей этого периода не сохранилось: известные греческие рукописи относятся почти к тому же времени (IX–XII вв.), когда возникает славянский перевод. И славянский перевод становится, естественно, в разряд важнейших, центральных свидетелей лукиановского церковного типа. Его преимущество перед другими греческими свидетелями этого типа в том, что он носит на себе неоспоримую печать официального происхождения от церковного библейского текста Константинопольского патриархата IX в. Свв. Кирилл и Мефодий приняли официальное поручение от Константинопольской церкви просветить моравских славян по восточному обряду, и нельзя

сомневаться, что этот восточный обряд включал в себя и богослужебный библейский текст, употребительный в то время, в половине IX в., в великой Константинопольской церкви. Ни об одном из греческих, современных начальному славянскому переводу, списков этого текста или других каких-либо греческих свидетелей мы не имеем такого важного свидетельства о их точном соответствии чтению Константинопольской патриархии IX в.

Но значение славянского богослужебно-библейского перевода идет дальше одного установления исторического факта. Славянский перевод расширяет поле зрения и на всю область истории и развития этого лукиановского извода. Он свидетельствует о силе исторической живучести этого типа. Без этого свидетельства греческий церковный лукиановский текст представлялся бы незначительным, чахлым растением без естественных побегов, без авторитета в истории. Молодой отпрыск IX в. в виде могучего славянского перевода поднимает эту лукиановскую струю до степени великого предания в восточной православной церкви, до степени восточной Вульгаты, по восточному порядку не провозглашенной, правда, высшей церковной властью обязательным текстом православной церкви, но самую жизнь, несомненно, закрепленной в этом звании. Восточное православие в громадном большинстве своих представителей в церковном употреблении держалось по традиции текста этой восточной Вульгаты с начала IV в. вплоть до наших дней или, правильнее, до начала утраты традиционного инстинктивного преклонения пред заветами исконного православия под влиянием латинской схоластики в наших духовных сферах с XVII в. Западные окатоличенные обломки славянских племен, принявшие христианство по восточному чину, также сохраняли, хотя и в омертвелой, нежизненной форме, восточный тип библейских чтений до времени натиска римского католицизма на остатки восточного обряда у западных славян и отчасти сохраняют его донныне (хор-

ватские глаголиты). Мы не говорим о влиянии этой восточной Вульгаты на текст ближайших к Византии участников ее культуры — иверийцев, армян и арабов, так как научные сведения по этому предмету слишком недостаточны. И без того пред нами выясняется величественная картина поразительного единства православного востока в области библейского мирозерцания, поскольку оно связано с единством библейского текста»*.

Как мы уже говорили, это оптимистическое научное сообщение было сделано проф. И. Е. Евсеевым в 1911 г. и свидетельствует оно о том, что долгое время в определенных научных кругах считалось, что антиохийская версия LXX — лукиановская редакция — является основой славянского перевода Св. Писания**. Однако к 1998 г. (год выхода в свет в каком-то смысле итоговой работы по данной теме А. М. Камчатнова «История и герменевтика Славянской Библии», в которой особую ценность представляет гл. 1: «История изучения славяно-русских переводов Библии»), ситуация коренным образом изменилась и даже, по мнению некоторых исследователей, стала тяготеть к другой крайности: в научных кругах сейчас относительно реконструкции текста LXX царит или разочарование, или вообще безнадежный пессимизм (К. И. Логачев)***. Для контраста приведем критическое исследование немецкого ученого Х. Бреннеке «Лукиан Антиохийский в истории арианской смуты»****, в

(*) Там же. С. 10–14.

(**) *Shawel S. S. Bible. IV. 5. Slavonic versions // New Catholic Encyclopedia. Washington, 1967. Vol. II. P. 463.*

(***) *Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 62.*

(****) *Brennecke H. Ch. Lukian von Antiochien in der Geschichte des Arianischen Streites // Logos. Zeitschrift für Luise Abramowski zum 8. Juli 1993 // Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche. Band 67. Berlin; N.-Y., 1993.*

котором он последовательно излагает противоположные Евсееву взгляды на т. наз. лукиановскую редакцию Св. Писания.

Как известно, автор пишет о деятельности Лукиана в двух местах. Во-первых, одно из них находится в Константинопольском синаксаре (*Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae* / Hg. von H. Delehaye. *Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris*. Brüssel, 1902. S. 137–141): из него становится известно, что Лукиан преподавал (толковал) Св. Писание и при этом корректировал его по еврейскому оригиналу. В другом случае, от бл. Иеронима мы узнаем, что существовала так наз. лукиановская рецензия (*lukianische Bibelrezension*) — некий лукиановский библейский текст, который, якобы, был распространен «от Антиохии до Константинополя». О качестве этой рецензии Св. Писания Иероним был, между прочим, невысокого мнения.

Исходя из замечаний Иеронима — нельзя заключить что-либо о наличии какого-то единого текста и действительности данной рецензии, потому что какие-либо определенные характеристики этого текста Иерониму были не известны. Из его слишком «смелых» выражений можно заключить только одно: на территории антиохии-константинопольского церковного пространства на рубеже IV–V вв. был распространен текст, приписываемый мученику Лукиану*. Бреннеке добавляет к этому, что бл. Иероним никогда прямо не говорит о Лукиановском тексте, но упоминая о рукописи, приписываемой Лукиану, обычно использует относительное местоимение**. Исходя из известий

(*) Praef. in Paralip., PL, 28, 1393f: «Alexandria et Aegyptus in Septuaginta suis Hesychium laudat auctorem. Constantinopolis usque Antiochiam, Luciani martyris exemplaria probat». Цит. по: *Brennecke H. Ch. S.* 189. Прим. 83.

(**) Praef. in quatt. Evgl., PL, 29, 559: «Praetermitto eos codices, quos a Luciano et Hesychio nuncupatos, paucorum hominum asserit perversa contentio». Цит. по: *Brennecke H. Ch. S.* 189. Прим. 84.

бл. Иеронима, начиная с XIX в., ученые много раз пытались реконструировать этот лукиановский текст. Особенное место в этой работе занимал труд группы исследователей из Геттингенского университета во главе с Полем де Лагардом. Но эйфория XIX в. в начале XX в. стала понемногу рассеиваться. Целый ряд ученых поставили под сомнение реальность такой реконструкции*. По их мнению, критерии лукиановской редакции LXX всегда оставались неясными, а считающиеся типично лукиановскими способы чтения (*Lesarten*), часто можно найти и у многих более ранних авторов. Знаток античности Генрих Дюри (H. Dörrie) в 1939 г. констатировал неудачу всех попыток реконструкции, но однако сам придерживался того мнения, что библейский текст редакции Лукиана все же когда-то существовал. Т. о., в противовес упомянутой геттингенской школе образовалась группа экзегетов, которые стали довольно скептически относиться к попыткам реконструкции лукиановской редакции Библии. Бреннеке считает (вместе с ними), что хотя поиск текста вести и имеет смысл, но что связывать его с именем Лукиана не стоит. «Смелые» же замечания бл. Иеронима он подвергает следующей критике: до Иеронима существовали и дошли до нас «Повествования о мучениках» (*Martyrertradition***) — позднейший вариант Предания. В поздневизантийской традиции, ко-

(*) См.: *Rahlf's A. Septuaginta-Studien*. Göttingen. 1907–1911; *Spanneut M. La Bible d'Eustathe d'Antioche* // *St. Patr.* 4. TU 79. Berlin, 1961. S. 171–190; *Tov E. Lucian and Proto-Lukian: Qumran and the History of the Biblical Text* / Ed. by M. Gross/Sh. Lalmon. Cambridge; London, 1975. P. 293–305; *Metzger B. M. The Lucianic Recension of the Greek Bible* // *Chapters in the History of the NT Textual Criticism*. Leiden, 1964. P. 1–41. Цит. по *Brennecke H. Ch.* С. 190.

(**) Константинопольский синаксарий // *CPG*, 2249 и *PG*, 28, 436 В. (есть фрагмент и у бл. Феодорита — *CPG*, 6202, *PG*, 84, 30 В). Цит. по: *Brennecke H. Ch.* С. 190. Прим. 87.

торая поместила их в Константинопольском синаксаре, они стали называться «катенами» (Katenenüberlieferung). Согласно им, в Никоидии существовал подлинный текст Библии Лукиана. Он представлял из себя вполне очищенный — отредактированный от языческих вкраплений (Überfremdungen), по еврейскому оригиналу, библейский текст. Т. е., по мысли Бреннеке, «смелые» высказывания Иеронима о лукиановской рецензии Библии есть не что иное, как агиографическое предание, легитимность которого сильно связана с церковной политикой омиев-ариан. Иными словами, православная традиция восприняла это подпорченное арианами предание. И тот, кто желает реконструировать лукиановскую редакцию, считает Бреннеке, должен обязательно об этом помнить. Но, увы, теми учеными, которые занимались проблемами восстановления данного текста, это не принималось, по его мнению, во внимание*.

Теперь попытаемся заполнить пропасть между этими двумя крайними точками зрения — Лагарда — Евсеева и Бреннеке.

Вопрос о греческом оригинале ветхозаветных книг был поднят в науке еще Добровским, который считал, что греческий оригинал славянского перевода очень схож с Альдинским и Комплютенским текстом Библии. «Ссылкой на сходство с Комплютенским текстом Добровский невольно давал понять, что греческий оригинал славянских переводчиков ветхозаветных книг был близок к лукиановской редакции библейского текста, по крайней мере в отделе Пятикнижия»**. Близость или сходство текста комплютенского издания с текстами, заключавшимися в рукописях кодексов № 19, 61, 72, 108 и 118 (см.: *Holmes R.*

(*) Brennecke H. Ch. Op. cit. S. 190.

(**) Михайлов А. В., проф. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. Ч. I. Паримийный текст. С. CLXXXVII–CLXXXVIII.

Vetus Testamentum graecum ect. Oxonii, 1798. T. I. Praefatio ad Pentateuchum), навели де Лагарда на мысль, что комплютенский текст близок редакции Лукиана (I)*. Особенную важность в этом сходстве играли для него кодексы 19, 108 и 118. В них, по его мнению, и заключалась лукиановская редакция LXX**. Проводником гипотезы де Лагарда был в России И. Е. Евсеев, который и развил ее в своих трудах (см.: *Евсеев И. Е.* Книга прор. Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897. Ч. I. С. 11; Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. XXX и проч.; серии его статей под общим названием «Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания» [1898–1902]). Вдохновленный идеями де Лагарда, Евсеев много делал для прояснения истории как славянского библейского текста, так и его прототипа — греческого. Деятельность его, однако, протекала в одиночестве, так как, по замечанию А. В. Михайлова, славистов-филологов вопрос лукиановской версии LXX мало интересовал, не потому, конечно, что он — не важный вопрос, а потому лишь, что он еще был преждевременным, так как окончательное его решение зависело в значительной степени от критической разработки текста древнеславянского перевода (или переводов) библейских книг***. Другими словами, по мнению Михайлова, пока в распоряжении ученых не будет научных изданий славянских текстов Св. Писания (которые бы базировались на возможно большем рукописном материале как кириллическом, так и гла-

(*) Для изучения связи славянской редакции с так наз. «лукиановским» текстом важно иметь ввиду то, что Комплутенская полиглотта была скорее всего редактируема по еврейскому тексту (см.: *Якимов И. С.* Критические исследования текста славянского перевода Ветхого Завета в его зависимости от текста перевода Семидесяти толковников // ХЧ. 1878. Ч. I. С. 714)

(**) *Михайлов А. В.*, проф. Указ. соч. С. CLXXXVIII. Прим. 1.

(***) Там же. С. CCLXXIII.

голическом), «пока по этим изданиям не будет восстановлен древнейший состав и перевод той или другой библейской книги на основании самих же славянских текстов и средствами филологической критики, до тех пор, конечно, очень трудно с известной уверенностью говорить и о ее греческом подлиннике определенного вида»*. Между тем ни того, ни другого как в XIX в., так и в XX не было (более того, в XX в. славистов ждали сурпризы). Несмотря на это, И. Е. Евсеев многие страницы своих трудов посвящал характеристике двух греческих редакций LXX, лукиановской и исихиевской, как чему-то определенному. Критика же показала, что даже де Лагард и др. библеисты его круга идей считали, что обе греческие редакции есть нечто неопределенное, искомое и размытое**. А. В. Михайлов, например, резонно критиковал методологические выводы Евсеева, считая, что если даже лукиановская редакция и будет установлена, то она поможет определить только лишь «состав прототипа, а не перевод этого чтения, что следует различать, и на что, напротив, не обращает должного внимания проф. Евсеев. Словом, значение L редакции — только относительное, и увлекаться ею как критерием славист-филолог не может***. Сам Михайлов предлагал иную, чем у Евсеева методологию выявления прототипа кирилло-мефодиевского перевода: по его мнению надо пользоваться сравнительно-историческим методом изучения древнеславянских текстов Св. Писания, впервые предложенным акад. Ягичем****.

В рядах преемников де Лагарда также возникали сомнения относительно «твердости» теории учителя. Первым был Адольф Ральфс. Исследуя книгу Руфи, он обратил внимание на то, что книги Библии, раньше считавшиеся вполне «лукиановскими», на

(*) Там же.

(**) *Камчатнов А. М.* Указ. соч. С. 24.

(***) *Михайлов А. В.* Указ. соч. С. CLXXXVI.

(****) Там же. С. CLXXXVII.

самом деле таковыми не являются. Так, де Лагард считал, что если в рукописях 19 и 108 1–2 Царств (кн. Самуила) — «лукиановские», то и все книги этих рукописей, от Бытия до Руфи, должны быть также «от Лукиана». Ральфс же пришел к выводу, что текст Лукиана может быть найден, и то — с большой натяжкой, только с текста Руф. 4, 11. Все предшествующие этой книге тексты являются иным текстологическим материалом*.

Другим сомневающимся в теории де Лагарда был Пауль Кале. В конце XIX в. наука получила в свое распоряжение тексты древних библейских рукописей, найденных в Каирской генизе. В результате их исследования было обнаружено, что они сильно отличаются от МТ — масоретского текста, что позволило П. Кале подкорректировать теорию де Лагарда (Urtext) своей теорией (Vulgärtexte). Суть ее состояла в том, что древнегреческий перевод LXX создавался не сразу, а постепенно. Ход рассуждений у Кале был тот же, что и у де Лагарда, только, что называется, «с точностью до наоборот»: по его мнению сначала были таргумы-«рецензии», потом из них был сложен стандартный текст. Былая текстовая пестрота виднеется, по мнению Кале, до сих пор в так наз. «рецензиях» LXX, в новозаветных цитатах из Ветхого Завета, в других переводах (Акилы, Симмаха, Феодотиона), в гекзаплах Оригена, в библейских цитатах св. отцов**.

Ко времени II мировой войны в текстологии Библии сложилась кризисная ситуация (противостояние теории Urtext и Vulgärtexte), из которой ее вывели сенсационные находки библейских рукописей в Иудейской пустыне. Кумранские свитки

(*) *Rahlfs A. Paul Lagardes wissenschaftliches Lebenswerk im Rahmen einer Geschichte seines Lebens gargestellt // MSU 4. I. 1928. S. 77; Würthwein E. Der Text des Alten Testaments. Stuttgart, 1973. S. 62. Цит. по: Шиваров Н. См. История и каноничность на старозаветный текст (с оглед на старобългарския му превод). С. 50.*

(**) *Алексеев А. А. Указ. соч. С. 12–13.*

были сюрпризом для многих ученых и славистов в том числе. Уже первые серьезные результаты окончательно поставили крест на Лагардовой теории.

Изучая свиток Малых пророков из Кумрана, Д. Бартелеми установил, что все известные виды «дукиановских» чтений уже представлены в этом тексте I в., что позволило ему окончательно разувериться в гипотезе де Лагарда. Также и И. Циглер, работая с кумранским отрывком кн. Исаяи, убедился в том, что целый ряд чтений, определенных Евсеевым как «дукиановские», содержится уже в данном новообнаруженном тексте из Кумрана*.

Современное состояние западной библеистики таково: ученик де Лагарда Ральфс, порвав с ограниченной гипотезой учителя, встал на путь поиска однородных текстуальных групп, которые он назвал текстовыми семьями (он пошел по проторенному пути новозаветной текстологии (см. *Walters P. The Text of Septuaginta. Its Corruptions and Their Emendation. Cambridge, 1973***). Соответственно и славянской библеистике необходимо на данном этапе сделать свой выбор. Современный нам исследователь А. М. Камчатнов предлагает славистам тоже встать на путь «поиска тех текстологических семей, из которых вышли разные славянские редакции различных ветхозаветных книг»***, т. е. использовать, по сути, метод А. Ральфса. Пока это в современной славистике единичное предложение, но оно, в какой-то степени, заполняет пустоту отвергнутой гипотезы П. де Лагарда.

(*) *Алексеев А. А.* Указ. соч. С. 13; *Шиваров Н. Ст.* История и каноничность на старозаветных текстах... С. 50. См. также: *Barthélemy D. Les devanciers d'Aquila. Leiden, 1963*; *Ziegler J. Die Vorlage der Isaias: Septuaginta (LXX) und die erste Isaias // Rolle von Qumran (1 QISa). 1959*; *Skehan P. W. Bible IV, 5. Septuaginta // New Catholic Encyclopedia. Washington. 1967. Vol. II.*

(**) *Алексеев А. А.* Указ. соч. С. 18.

(***) *Камчатнов А. М.* Указ. соч. С. 62.